

М. В. Грацианский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)

Императорские прерогативы в «божественных делах» и понятие церковного «первенства чести»

Как признается, с момента появления в Римской империи христианских императоров последние начинают играть в Церкви ключевую роль. Отношение к этому факту в историографии сильно различалось в зависимости от эпохи и конфессиональных установок отдельных авторов. В то время как православные и, отчасти, протестантские авторы могли относиться к этому обстоятельству терпимо, а католики неприязненно, большинство исследователей, тем не менее, воспринимало влияние императоров на Церковь как навязанное и, в сущности, нарушающее принципы церковной «свободы».

Между тем, исследователями по большей части игнорируется либо нивелируется тот факт, что прямое участие римского императора в жизни Церкви коренилось в основополагающих юридических принципах существования императорской власти и было зафиксировано законодательно. Данное обстоятельство объясняет всю совокупность фактов, касающихся отношений императоров и всей полноты церковной иерархии, которая с момента издания императорами Миланского эдикта, признавшего христианство дозволенной религией (*religio licita*), вступило с императорами в те взаимоотношения, которые были предусмотрены для регулирования последними сферы религиозной жизни в Римской империи.

К числу таких основополагающих принципов относится вошедшее в Дигесты и восходящее ко II в. определение: «Публичное право относится к положению римского государства ... публичное право заключается в священном, священниках и магистратах»¹. Постигание правовой науки, в такой логике, приводит к «знанию божественных и человеческих дел»². В знаменитой конституции Юстиниана Tanta, предваряющей публикацию Институций и Дигест, император отмечает: «... среди всех вещей не находится ничего столь важного как авторитет законов, который благим образом распределяет и божественные и человеческие дела...»³. Тот же Юстиниан объединяет «божественное и публичное право» в единую категорию, противопоставляя ее

¹ Jus publicum ad statum rei Romanae spectat ... jus publicum in sacris, sacerdotibus et in magistratibus consistit (Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. I. Berlin, 1954. P. 29 [Dig. 1.1.1.2]).

² Ibid. P. 1.29: Iuris prudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia.

³ Cum itaque nihil tam studiosum in omnibus rebus invenitur quam legum auctoritas, quae et divinas et humanas res bene disponit... (CIC I. P. 8).

«частным интересам»¹. Тем самым становится очевидно, что чрезвычайно часто встречающиеся высказывания императоров, говорящие о тесной связи церковных и государственных дел и о зависимости благополучия вторых от благополучия первых, являются не просто риторическими фигурами, а отражают принятые и юридически зафиксированные нормы².

Из совокупности даже этих нескольких высказываний становится ясна суть «божественных дел» как части публичного права, гарантом и исполнителем которого, согласно другим нормам римского права, выступал император. Как таковой он в силу этого оказывается и распорядителем «священников и магистратов» в равной степени. Из этого обстоятельства с необходимостью вытекало то, что императором производилось утверждение избраний «священников» (*sacerdotes*, *ιερεῖς*), под которыми в расхожем словоупотреблении IV–VI вв. исключительно понимались епископы³.

Император оказывался естественной апелляционной инстанцией при возникновении крупных межцерковных конфликтов, особенно между «великими кафедрами» (*magnae sedes*). В этих случаях им назначался состав суда, который рассматривал дело, а приговор поступал на утверждение императору и публиковался от его лица.

Особой формой, в которой выражалось «попечение» (*sollicitudo*)⁴ императора о Церкви был Вселенский собор. Последний рассматривался как форма всеимперского совещания, посвященная разбору «церковных и вселенских дел», причем под последними имелись в виду дела государственные. Статус «вселенского» относился не к церковной сфере, разбору дел которой он был посвящен, а отражал общегосударственный характер мероприятия и

¹ Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. II: Codex Iustinianus. Berlin, 1954. P. 16: Ut inter divinum publicumque ius et privata commoda competens discretio sit...

² Ср. характерное высказывание Феодосия II (408–450): «нынешний вопрос настоятельных церковных и связанных с ними государственных нужд (ἡ τῶν νῦν ἀναγκαίων ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ τῶν ταύταις συνημμένων δημοσίων χρειῶν ζήτησις) явило его (т.е. Вселенский собор. — М.Г.) в высшей степени полезным и необходимым» (Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I, Pars I. Berlin; Leipzig, 1927. P. 115.18–194).

³ Впрочем, утверждению императора подлежали не все епископы, а только те, которые занимали кафедры митрополий и «великих городов» — Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии. Особое внимание также уделялось резиденциям префектов и викариев.

⁴ Последнее является *terminus technicus* для обозначения осуществления уполномоченным лицом управленческих функций в отношении объекта управления.

тот факт, что созывается он по личному приказу (*jussio*, κέλευσις, θέσισμα) императора¹.

С особой ролью императора в отношении Церкви связано и неоднократно зафиксированный канонами принцип о том, что церковно-административное деление следует государственно-административному, а границы церковных областей и статус кафедр определяются императорскими распоряжениями. Выражением этого последнего принципа явилось создание на протяжении VI–XIII вв. целого ряда автокефальных церквей, независимый церковно-административный статус которых определялся указами императоров. Также и принцип «первенства чести» (πρεσβεῖα τιμῆς, *privilegium dignitatis*) крупнейших церковных кафедр был определен императорскими указами, на основании чего сложилась и имела продолжительное бытование концепция «пентархии».

А. А. Гречухина

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород)*

Постижение человека в трактате Синесия «О сновидениях»

Жизнь и творчество Синесия Киренского является для нас уникальным образцом мировоззрения человека, стоявшего на стыке двух миров – античного и христианского. После принятия епископства он оставался верен неоплатонической философии и традициям, которые отложились в юности. Он смог жить в эпоху глубоких изменений без ущерба для философской мысли. Его биография и взгляды – замечательное сочетание всех эпох классической древности в картине мира одного человека.

Синесий, как философ и епископ, представляет для нас интерес тем, что он смог сопоставить взаимосвязь христианских доктрин и неоплатонического течения в своих трактатах. Во время его жизни язычество уже находилось в упадке, но он полностью осознавал независимость философии. Ее можно было использовать для интерпретации христианских мифов и тайн.

Трактат «О сновидениях» (*De insomniis*) является важным объектом изучения наследия Синесия как философа. Однако у исследователей XIX–XX вв. анализ трактата «О сновидениях» в недостаточной мере использовался для понимания его философии, в отличие от трактата «Дион» или гимнов.

¹ См. высказывание императора Феодосия II из его сакры о созыве III Вселенского собора (431 г.): «Мы убеждены, что каждый из боголюбивейших иереев, зная, что святейший Собор побуждается этим нашим повелением (θεσμίσματι) поспешно собраться ради церковных и вселенских дел (ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ οἰκουμενικῶν πραγμάτων χάριν)...» (Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I, Pars I. Berlin; Leipzig, 1927. P. 115.32–34).